

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47).930.23+654.195
DOI: 10.17223/19988613/56/25

О.В. Горбачев

РАДИО И ОСВОЕНИЕ СОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА. О КНИГЕ С. ЛОВЕЛЛА «РОССИЯ В МИКРОФОННУЮ ЭРУ. ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО РАДИО, 1919–1970 ГГ.» Оксфорд ; Нью-Йорк, 2015. XI, 237 с.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

На основе историографического анализа книги С. Ловелла рассматривается роль радио в жизни советского общества в 1920–1960-е гг. Характеризуется место радио в медиакоммуникационной среде. Обосновывается идеологическая роль радио в контексте планов коммунистического строительства. Показан вклад Лоуэлла в изучение политической и социокультурной истории советского радио. Делается вывод об ограниченных возможностях авторитарной власти использовать технические медиа для реализации политических целей.

Ключевые слова: радио; история медиа; советский проект; советская идеология; политический контроль.

Утверждение о том, что коммуникационные технологии – это системообразующая среда современной цивилизации, в наши дни стало банальностью. Сотовая связь и интернет кардинальным образом изменили образ жизни человека. Очевидность их значимости в современном мире формирует новый, медийный, контекст восприятия действительности. Идеи Маршалла Маклюэна, Никласа Лумана и других теоретиков медиа-коммуникации заняли прочное место в трудах социологов и культурологов. Что касается историков, то традиция изучения прошлого по отношению к технологиям коммуникации достаточно консервативна. Еще недавно им отводилась сугубо вспомогательная роль, во многом благодаря неочевидности влияния медиа до эпохи интернета. Между тем, качество коммуникационной среды невозможно игнорировать при анализе состояния любого социума, и потому так интересны любые попытки рассмотрения прошлого в контексте истории медиа.

Можно констатировать, что на сегодняшний день имеется солидная историография, анализирующая социальную роль медиа в разных странах (см. например: [1–7 и др.]). К сожалению, подобных работ на материале России – СССР существенно меньше, хотя в последнее время и здесь наблюдаются изменения к лучшему. Между тем, учитывая огромную территорию нашей страны, роль медиакоммуникаций для ее развития сложно переоценить.

Нельзя сказать, что история советского радио обойдена исследователями. Авторы, как правило, раскрывают технологические, культурно-эстетические аспекты темы либо концентрируют внимание на выдающихся радиодейателях (см. например: [9–13]). Существенный вклад в разработку проблемы пропаганды и цензу-

ры на советском радио внесла Т. Горяева [14–16]. Рассматриваются и международные аспекты радиовещания в советскую эпоху [17].

Книга Стивена Ловелла, о которой пойдет речь, вносит серьезный вклад в изучение темы и расставляет немало важных акцентов в характеристике советского общества [18]. А непосредственным толчком к написанию этой рецензии-размышления послужило то, что исследование Ловелла дает хорошую возможность для понимания социально-политической роли радио в СССР. Для этого важно иметь в виду, какие идейно-политические ожидания связывали большевики с эпохой радио, какую роль сыграло радио в истории советского общества и какие выводы можно извлечь из попыток политического регулирования медиакоммуникационной среды.

Радио в идеологии и революционной практике большевиков. Для советской правящей бюрократии радио было инструментом чрезвычайно полезным. Стабильность режима во многом зависела от того, насколько убедительной и оперативной будет большевистская пропаганда. Прямой предшественник радио – телеграф, хорошо выполнял задачи информирования и оперативного управления, но для агитационных целей был непригоден. Печатная пресса, помимо расходов на издание, требовала больших усилий по доставке в отдаленные районы страны. Радио, получившее распространение в России в годы Первой мировой войны, было важным подспорьем для решения поставленных большевиками задач – в первую очередь из-за доступности технологии и отсутствия необходимости серьезных вложений для потребителя радиосигнала.

Хрестоматийная фраза В.И. Ленина о необходимости захвата революционерами «почты, телеграфа и те-

лефона» – отражение понимания важности коммуникаций. Отсутствие в этом перечне радио означало лишь то, что в стране к моменту взятия власти большевиками за пределами военных частей отсутствовала необходимая инфраструктура. Тем не менее именно с помощью радио распространилась новость о победе Февральской революции, а дезорганизации армии способствовали сообщения по радио о «немедленном мире» [18. Р. 19]. Как утверждает Ю. Мурашов, «посредством радио революция перерастает из исторического и политического события в (интер)национальный триумф коммуникации в тот момент, когда Ленин при помощи радиотелеграфа преодолевает блокаду молодой советской республики и распространяет свои лозунги по всей Европе» [19. С. 17].

Покоряющий пространство радиосигнал – последнее достижение технического прогресса, и в этом качестве он был своеобразным символом победы большевистского «нового мира». Радио отвечало ценностям раннесоветской идеологии и в том смысле, что, подобно «мировой революции», оно не признавало межгосударственных границ.

После подписания Рижского мира 1921 г. с Польшей, когда стало ясно, что целей «мировой революции» в ближайшее время достичь не удастся, начало формироваться другое предназначение радио. С его помощью большевики надеялись связать воедино доставшееся им огромное разнородное пространство бывшей Российской империи со слабо развитой транспортной сетью.

Спустя непродолжительное время было востребовано еще одно ценное качество радио – оно было способно выполнять образовательные функции в стране с преимущественно неграмотным и полуграмотным населением. Таким образом, радио способствовало реализации еще одной важнейшей идеологической задачи большевиков – воспитанию «нового человека» – как необходимого условия для построения коммунизма

Стивен Ловелл и история советского радио. Итак, с начала 1920-х гг. в стране начался период доминирования радио в сравнении с другими средствами массовой коммуникации. Он продлился полвека – до начала 1970-х гг., когда место радио в массовом сознании заняло телевидение. Именно этот период в развитии медиакоммуникаций привлек внимание Стивена Ловелла, который присвоил ему название «микрофонная эра» [18. Р. 211]. На фоне имеющихся публикаций книга Ловелла выделяется тем, что автор не замыкается на отдельных аспектах истории советского радио, а стремится затронуть максимально широкий круг вопросов, касающихся роли нового медиа в формировании и функционировании советского общества, от управления до повседневных практик.

Предпринимая исследование, автор имел в виду, что в существующих работах гораздо хуже освещалось содержание вещания по сравнению с историей технологий и институтов, а также то обстоятельство, что

влияние радио на общество не изучалось вообще. Поэтому он поставил перед собой цель «связать воедино эти разные аспекты, уделяя больше внимания социальным и культурным измерениям радиовещания, чем это делалось прежде, а также послевоенному периоду, гораздо хуже понятому, чем 1920–1930-е годы» [18. Р. 8].

Помимо более широкого взгляда на предмет изучения, у книги Ловелла есть еще одно немаловажное достоинство: автор широко использует материалы региональных архивов, местную прессу, и история советского радио в его интерпретации лишается осязаемого привкуса «столичности», присутствующего в работах большинства российских авторов; приобретает пространственное измерение.

Как выясняется, вопрос источников тут действительно важен. Предмет исследования очень специфичен: «Радио очень трудно аккуратно вспомнить и исторически описать, даже в США» [18. Р. 6]. При изучении советского радио, с одной стороны, исследователь сталкивается с дефицитом источников, относящихся к 1920–1930-м гг., а с другой – с их переизбытком в последующие годы. «Довоенная засуха сменилась послевоенным потоком» [18. Р. 7]. Общим для всех сохранившихся фонодокументов является то, что среди них преобладают официальные и парадные записи [Ibid. Р. 6].

Книга Ловелла полифонична. Она содержит богатый фактический материал, касающийся большинства аспектов истории радиовещания в СССР. Затронуты в том числе и темы, которые уже нашли отражение в работах историков радио. В этой связи нельзя не отметить уважительное отношение автора к имеющемуся исследовательскому опыту. Активное использование научной литературы, огромного количества документов из центральных и местных архивов, источников личного происхождения, периодической печати, малоизвестной специальной литературы, в том числе провинциальной, обнаруживает искреннюю увлеченность автора изучаемым предметом. Ловеллу действительно удалось создать объемную картину истории советского радио, где все важнейшие этапы его развития получили должное отражение. Начав с истории появления радио в России, Ловелл рассказывает о технологии вещания, эволюции содержания программ, политической роли нового медиа. Автор с большим интересом относится к судьбам людей, стоявшим у истоков советского радио и определявшим его лицо на разных этапах истории. И все же основное, что делает книгу заслуживающей читательского внимания, – это заявленный акцент на социальной и культурной функциях радио в СССР. Избранный подход можно обозначить как проблемно-хронологический. «Микрофонная эра» Ловелла отчетливо делится на три этапа: 1920–1930-е гг. (1–3 главы книги), военный период (глава 4) и 1945–1970 гг. (главы 5–7). Поскольку все затронутые в исследовании вопросы здесь осветить невозможно, речь пойдет лишь о наиболее интересных с точки зрения автора настоящей статьи.

История радио в довоенный период. Во введении с говорящим названием «Почему радио?» Ловелл характеризует его значение для большевиков. Помимо оперативности и символа прогресса, радио должно было стать еще и «коллективным организатором», т.е. отобразить эту функцию у печатной прессы. Но для этого было необходимо преодолеть барьер бедности и отсталости, чего не удалось сделать в довоенном СССР. Так, в 1934 г. радиоприемников в стране было вчетверо меньше, чем в Германии [18. Р. 8]. Отсюда определенная стеснительность риторики советских властей в пропаганде радио и, в конечном итоге, особый путь его распространения.

Первые три главы книги («Институционализация советского радио», «Радио и формирование советского общества» и «Как Россия училась вещать») посвящены тому, как новое средство коммуникации завоевывало пространство СССР. Для обеспечения покрытия территории страны к началу 1927 г. была создана сеть из 29 основных станций, 22 из которых находились в европейской части. Радиокommunikации, указывает Ловелл, были единственным средством дотянуться до Дальнего Востока если не из Москвы, то хотя бы из региональной столицы (Иркутска). Прямая трансевразийская радиосвязь между Москвой и Восточной Сибирью была слишком дорогой [18. Р. 23]. Во многом поэтому радио в 1920-е гг. еще не стало государственным проектом. Но декларировавшаяся независимость радио не должна вводить в заблуждение: развертывание передатчиков без участия государства было невозможно – в 1929 г. СССР был страной с наибольшей передающей мощностью в мире (правда, в пересчете на территорию Германия была оснащена в сорок раз лучше [Ibid. Р. 25]).

Как можно судить по книге Ловелла, ко второй половине 1920-х гг. относятся первые попытки государства воспрепятствовать естественной логике развития радио. С пересмотром перспектив «мировой революции» в условиях враждебного окружения трансграничные возможности радио скорее мешали, чем помогали большевикам. Поэтому в приграничных районах пришлось устанавливать особо мощные станции, вещавшие на тех же частотах, что и соседи, а также «глушилки» радиосигнала. Так советское государство пыталось установить монополию на радиоинформацию внутри страны. При этом попытки изолирования своего населения от информации извне сочетались с радиопропагандой на соседние страны [18. Р. 25].

Помимо необходимости защиты от «вражеского вещания» было и другое неудобное для государства обстоятельство в распространении радио – популярность радиолубительства. Энтузиасты радио (как правило, молодые мужчины пролетарского происхождения [18. Р. 49]) были в большинстве своем людьми творческими и несистемными, но только их усилиями в 1920-е гг. было возможно распространение новой технологии – промышленность почти не выпускала радиоприемников. Попытка регули-

ровать радиолубительство введением в 1924 г. абонентской платы за пользование приемниками оказалась неэффективной, и количество «радиозайцев» неуклонно росло. Для власти возникла угроза «радио-хаоса, как на Западе» [18. Р. 30].

Радиолубителей пытались наставить на «истинный путь»: их призывали собирать приемники для радиофикации села, но тех гораздо больше интересовала перспектива слушать радиоголоса из отдаленных уголков Земли. Этот сюжет изрядно напоминает усилия современной правящей бюрократии по обузданию интернет-блогосферы.

Впрочем, в условиях авторитарного государства строптивую технологию в конце концов удалось приручить и приспособить к государственным целям. Для этого в годы первой пятилетки была создана сеть проводного вещания. Помимо стремления власти контролировать эфир успеху проекта способствовала невозможность удовлетворить спрос на доступные детекторные приемники.

По мнению Ловелла, проводной радиофикации способствовала относительная дешевизна и долговечность проводов [18. Р. 34]. По причине технологического родства оказалось удобным соединить радиофикацию с электрификацией. При таком подходе отпадала нужда в массовом производстве радиоприемников, а пропагандистский успех достигался тем, что, по замечанию Ричарда Эрнандеса, проводная «тарелка» позволяла регулировать только громкость, но не переключаться с одной программы на другую [20. Р. 1495]. Тем самым безбрежное пространство радиоэфира, в представлении революционных романтиков начала 1920-х гг., в реальности 1930-х сузилось до размеров однопрограммной «радиоточки», вещающей со столба у сельсовета. Радиолубительство было выдвинуто на периферию государственных интересов и в дальнейшем поддерживалось в основном военной целесообразностью. Тем не менее радиофикация в таком виде была обречена оставаться половинчатой: покрыть всю территорию СССР проводным радио было невозможно, отсюда жалобы на его «городской» характер.

Радио как инструмент коммунистического строительства в СССР. Сочинение Стивена Ловелла помогает понять, какого рода социальные препятствия возникали на пути реализации стратегических целей идеологов коммунизма. Речь пойдет о сельской радиофикации как составляющей «смычки» между городом и деревней и необходимости достижения социальной однородности в потреблении радио в контексте формирования «нового человека». Ловелл затрагивает эти темы, но они нуждаются в дополнительной детализации.

Практика XX в. показала, что сближение (или «смычка», в большевистской терминологии) города и села осуществлялось не в виде конвергенции, т.е. слияния, а с неременным доминированием города. Это было следствием приоритета пролетарских ценностей по отношению к крестьянским, большевистского инду-

стриализма, а также логики урбанизации как объективного общемирового процесса. Радио не стало исключением. Ричард Эрнандес формулирует последствия прихода радио в сельскую местность как разрушение прежней звуковой среды и формирование новой. «Происходила десакрализация колокольного звона и сакрализация его заменителей в звуковой среде деревни... Громкоговорители были способны заглушить колокола. Они имели возможность более изощренно воздействовать на сознание – путем пропаганды» [20. Р. 1493, 1495]. Характерно, что в сельской местности радиоточки стремились размещать в непосредственной близости от церкви [18. Р. 59].

Это изящное построение требует некоторого уточнения. Пик антирелигиозной кампании в СССР пришелся на 1929 г. в то время как радиофикация советской сельской местности в основном проводилась в послевоенное время. По оценке Ловелла, в апреле 1946 г. в зоне досягаемости радиовещания находилось не более 1/7 населения страны [18. Р. 135]. Поэтому в реальности столкновение колокольного звона и радиоточки имело место довольно редко. Эрнандес прав в том, что радио в сельской среде являлось мощным проводником урбанистических ценностей, объективно разрушавших прежний крестьянский мир.

Что касается вопроса о «социальной однородности» общества, то на ранних этапах существования радио в большевистской верхушке нередко были утверждения о том, что с его помощью Советская Россия должна стать единой со всем человечеством. Революционные романтики видели в радио не только средство коммуникации; оно должно было стать технологией преобразования человеческого общества, сделать его более рациональным и современным, одновременно установив новый идеал коллективного общежития, противостоящего индивидуалистическому «буржуазному» миру [18. Р. 43].

В 1930-е гг. утопические проекты перестали будоражить сознание, но радио продолжало оставаться символом прогресса и строительства советского общества. Актуальной оставалась и мысль о достижении культурной однородности средствами радио [18. Р. 43, 45]. Эту идею также формулирует Эмма Виддис: «Социалистическое пространство строится на основаниях, отличных от тех, на которых базируется капиталистическое пространство: оно должно быть прежде всего равномерным и не иерархичным» [21. С. 451].

Одним из препятствий к этому была социальная иерархия в потреблении радиосигнала, сформировавшаяся в 1920–1930-е гг. Она представляла собой пирамиду, в основании которой находились слушатели однопрограммных «радиоточек». Перед войной до 80% радиоустройств в СССР (из 7 млн) были проводными [18. Р. 36]. На следующем уровне размещались владельцы детекторных приемников, у которых была большая свобода выбора, но только в радиусе приема до 240 км. Наконец, на вершине пирамиды были немногочисленные обладатели дорогих ламповых прием-

ников, способных принимать сигнал на расстоянии до 3 тыс. км [18. Р. 49].

Характерно, что несмотря на быстрый рост количества радиоточек на рубеже 1920–1930-х гг. [18. Р. 34], слушание радио оставалось занятием не для всех. В середине 1930-х гг. некоторые деревни не могли позволить себе оплатить подписку на проводное радио [Ibid. Р. 60]. Отсюда сетование сельских жителей, что «радио могут слушать только большие партийные люди или военные» [Ibid. Р. 64].

Кроме технической недоступности еще одним препятствием к достижению социального равенства было содержание вещания. Помимо революционных песен советское радио, движимое намерением «воспитания нового человека», отдавало предпочтение музыкальной классике. В эфире очень долго не было народных песен и эстрады, что порождало жалобы слушателей в духе того, что «в церкви музыка веселее» [18. Р. 64]. Такая ситуация сохранялась до середины 1930-х гг., когда «пик пуританства в эфире в годы первой пятилетки сменился “эрой Красного джаза”» [Ibid. Р. 101].

В связи с этим фиксируется наличие советского парадокса: радио слушали не те, кому оно в первую очередь предназначалось как средство просвещения, т.е. не крестьяне, а городская интеллигенция и квалифицированные рабочие (технически продвинутые люди) [Ibid. Р. 64–66].

С позиций сталинской пропаганды идеальной моделью потребления радиоинформации было коллективное слушание радио через радиоточку. Однако с точки зрения логики развития новой технологии неизбежным было дальнейшее распространение беспроводного вещания с индивидуализацией процесса слушания. Именно поэтому обеспечить культурную и социальную однородность общества средствами радио в конечном счете оказалось невозможным.

По всей видимости, отказ от революционного аскетизма, начавшийся в СССР в середине 1930-х гг. после сталинского утверждения, что «жить стало лучше, жить стало веселее», еще больше препятствовал достижению этой однородности. Ламповые приемники, доступные далеко не всем, становились желаемым символом домашнего уюта; изменился и их внешний облик – провода и лампы как свидетельство прогресса и технической продвинутости 1920-х гг. теперь были скрыты в красивом полированном ящике. В СССР формировался семейный стиль слушания радио, как это произошло ранее в Западной Европе и США (Ловелл употребляет термин «каминное вещание» [18. Р. 64]).

Радио и другие медиа. Вопрос сравнительной значимости различных средств коммуникации важен, поскольку позволяет оценить реальную роль радио в обществе. Что касается Ловелла, то он постоянно соотносит радио с другими медиа, главным образом с печатной прессой и театром, исходя из представлений о важности устной / вербальной традиции в российском социуме (см. например: [22. Р. 36]). Как и кинемато-

граф, на этапе взросления советское радио претендовало на самостоятельную роль, пока попытки создания «радиоискусства» не стали квалифицироваться как «формалистические». В конечном счете состоялся некий симбиоз радио с газетой и театром, где устное слово стало доминирующим и самодостаточным. Радио в сталинские годы оказалось ближе к литературе, чем к театру [18. Р. 89; 23. С. 217–236], причем лингвистический консерватизм был даже сильнее консерватизма музыкального. Ловелл считает почти болезненное стремление к лингвистической правильности на советском радио вполне объяснимым для общества, только что расставшегося с неграмотностью [18. Р. 104].

Что касается кинематографа, то Ловелл касается вопроса о его взаимоотношениях в радио только вскользь. Он рассказывает, что в 1920-е гг. существовал жанр «радиофильма» в котором, как и в кинематографе, активно использовался монтаж [Ibid. Р. 83]. Скорее всего, с появлением звука в кино стало окончательно ясно, что предназначение и возможности радио и кино в советской системе коммуникации различны. На стороне радио были оперативность и вербальная конкретность. На стороне кинематографа – визуальная и художественная убедительность, а также независимость кинопередвижек от электрических сетей, т.е. кино могли показывать там, куда не дотянулось проводное радио.

Радио в военные годы. Возвращаясь к логике изложения Стивена Ловелла, обратимся к четвертой главе книги – «Мобилизация радио». Важным следует считать упоминание о том, что война была трудным временем для печатной прессы. На этом фоне значение радио, утверждает Ловелл, стало огромным [18. Р. 107]. Не менее существенно и то, что с конфискацией беспроводных приемников «тарелка» стала единственной формой радио для всех советских людей. «Радио было средством распространения практически важной информации – от инструкций по подрыву поездов до выращивания картофеля. ...Жить без слушания радио было нельзя» [Ibid. Р. 113–114]. Однако, несмотря на то, что радио признавалось главным средством пропаганды, оно, по мнению Ловелла, не соответствовало своей задаче. Слабость существующей инфраструктуры усугублялась изъятием даже тех приемников, которые были предназначены для коллективного слушания. Очень убедителен факт, что в 1945 г. в Выборгском районе Ленинградской области новости об окончании войны распространялись листовками с самолета [Ibid. Р. 143]. Кроме того, сохранялась подозрительность Москвы в отношении содержания вещания местных станций. Ситуация существенно улучшилась к 1943 г., когда вещательные мощности превысили довоенные [Ibid. Р. 114, 115].

Характеризуя роль радио в годы войны, Ловелл прибегает к экспрессивным выражениям: «война превратила радио в национальное медиа беспрецедентного масштаба. Это было, как если бы напряженность живого эфира во время спасения “Челюскина” или показа

тельных процессов растянулась на четыре года. ...Это был новый, демократический поворот в русской культуре» [18. Р. 132].

С автором трудно спорить, учитывая, что в годы войны была «разбита скорлупа» официальной парадности и академической правильности, а в эфире наконец зазвучали голоса простых людей. Тем не менее следует заметить, что в этом была заслуга не только радио, но и всех обстоятельств военного времени. Произошла консолидация общества перед лицом внешней угрозы, а радио концентрированно выражало эти настроения.

Помимо «культурного поворота», еще одним предметом внимания Ловелла стал поворот технический. Была осознана настоятельная необходимость записывающего оборудования, и эту потребность частично удалось удовлетворить с помощью трофейных магнитофонов [18. Р. 133]. Значение этого новшества было двояким. Кроме улучшения качества вещания (до войны для записи применялись так называемые шоринфоны с малоразборчивым звуком) его внедрение привело к резкому сокращению доли живого эфира. В позднесталинском СССР этот переход облегчил возврат к прежней официально-пафосной форме вещания, которая оказалась способной пересилить «демократический поворот» военного времени.

Тем не менее, как можно заключить из представленного в книге материала, если до войны радиосреда во многом развивалась под диктовку власти, то после ее окончания радио все активнее стало заявлять собственные правила. Для максимальной радиофикации советской территории в следующие полтора десятилетия проводное вещание должно было дополниться беспроводным [18. Р. 133]. Переход от провода к эфиру означал не только расширение пропагандистских возможностей советского радио, но и неизбежную утрату его монополии.

Послевоенная история советского радио. Этому периоду посвящены три последние главы книги: «От проводов к эфиру», «Магнитофон и искусство советского радиовещания» и «Радио-жанры и их аудитория в послевоенные годы». В числе тенденций послевоенных лет Ловелл выделяет появление новых каналов вещания. Во второй половине 1940-х гг. были запущены сначала вторая, а затем и третья программы. Поскольку «радиоточки» были однопрограммными, новые программы (преимущественно музыкальные) предназначались обладателям эфирных радиоприемников, т.е. в первую очередь интеллигенции [18. Р. 148]. Расширение присутствия в эфире государственных станций, с одной стороны, имело целью учесть разнообразные вкусы аудитории, а с другой – выполняло относительно новую задачу контрпрограммирования. Усиление контрпропагандистской функции радио стало еще одним результатом войны [Ibid. Р. 132]. Другой стороной той же политики стало увеличение количества «глушилок» – сначала в приграничных районах, а затем в крупных городах – для затруднения приема вещавших на СССР западных радиостанций.

Ловелл не делит четко историю советского радио на сталинский и постсталинский периоды, что в современной западной историографии можно наблюдать довольно часто. Преимуществом такого подхода является отсутствие схематизации, ожидания «оттепельных изменений» там, где они, возможно, наступили раньше или позднее. Например, новый всплеск радиолюбительства носит «оттепельный» характер, но начался он вскоре после войны. Тогда же власти были вынуждены признать, что прежняя система регистрации приемников устарела. Ловелл с симпатией констатирует техническую продвинутость советского общества того времени [18. Р. 145–146]. Облик радиолюбителей 1950-х существенно отличался от «друзей радио» середины 1920-х гг. Прежние правоверные советские энтузиасты радио превратились в слушателей Би-Би-Си и «радиохулиганов» (т.е. самовольных вещателей) [Ibid. Р. 147]. Причина метаморфозы – в изменении общественного климата в СССР после войны.

Начало политики «оттепели» в СССР совпало с осознанием невозможности государства контролировать процесс слушания радио населением. На закрытых совещаниях сообщалось, что «в сущности, вся страна открыта для враждебного радио» [Ibid. Р. 156]. Эффект от «глушилок» был только в центрах крупных городов. Кроме того, «глушилки» делали затруднительным и прием советских станций на коротких волнах [Ibid.]. Поэтому либерализация политики в радиосфере была вынужденной.

Данные Ловелла хорошо коррелируют со сведениями, приведенными ранее Кристин Рот-Эй. Во второй половине 1950-х гг. производство приемников с КВ диапазоном стало массовым. Государство с опозданием поняло свою ошибку. Ситуацию охарактеризовали как «результат непродуманной коммерческой политики». По сведениям ЦК КПСС, в 1958 г. 85% коротковолновых приемников было продано в Европейской части страны, где не были слышны свои радиостанции на КВ, а принималось только «враждебное» радио [8. Р. 140; 18. Р. 157]. Тем не менее, несмотря на недовольство Н.С. Хрущева, в конце концов выпуск коротковолновых приемников был продолжен [18. Р. 161]: коммерческая выгода от их продажи была налицо, а переоборудовать приемник на прием КВ мог любой радиолюбитель средней руки в домашних условиях. Власть примирилась с невозможностью противостоять западной радиопропаганде.

1960-е гг. ознаменованы двумя важнейшими тенденциями в развитии советского радио: распространением переносных транзисторных приемников и появлением «западного» типа музыкально-новостного вещания, которое предложила организованная в 1964 г. радиостанция «Маяк». И если, по Ловеллу, период с 1945 по 1965 г. можно считать «золотым веком» радио [Ibid. Р. 161], то теперь была достигнута высшая точка этого века. Слушателям импонировало то, что «Маяк» время от времени расстегивал свои государственные

пуговицы и иногда снимал галстук» [18. Р. 211]. Популярность нового радио была настолько велика, что, как заявляет автор, «Маяк» составлял ткань советской жизни» [Ibid. Р. 151]. К началу 1960-х гг. радио достигло максимума доверительности в общении со слушателем [Ibid. Р. 209]. Советские радиостанции гораздо более широко, чем прежде, представляли юмористические, разговорные, спортивные и детские передачи. Ловелл верно отмечает, что многие передачи позднесоветского времени сформировали золотой фонд радиовещания. Что касается появления небольших транзисторных приемников, то они довершили процесс индивидуализации слушания радио.

Новые позиции, завоеванные радио, стали результатом все обострявшейся медиаконкуренции. В 1960-е гг. советскому радио пришлось конкурировать уже не с церковными колоколами, патефонными пластинками и развивающейся печатной прессой, а с магнитофонами, развитым кинематографом, обширным полем печатных медиа, западным радиовещанием и набиравшим популярность телевидением. Очевидно, что государство больше не могло навязывать формат вещания, теперь оно было вынуждено подстраиваться под язык и стиль расширившейся медиасреды. Но оно все равно проигрывало и в оперативности, и в содержательности: по причине цензуры советское радиовещание на 12–18 часов отставало от центральных газет и очень намного – от Би-Би-Си и «Голоса Америки»; на радио доминировали рассказы о безоблачном существовании в СССР [18. Р. 153].

Говоря о последствиях такой ситуации, Ловелл утверждает, что слушание западного радио совсем не обязательно меняло взгляды, и население СССР продолжало оставаться советским по духу [Ibid. Р. 159]. С этим можно согласиться лишь отчасти. Западные станции восполняли дефицит в информации большей части советской интеллигенции, населения крупных городов, т.е. тех людей, которые, по справедливому суждению А.С. Сеньявского, подготовили «перестройку» [24. С. 262]. Эту мысль отчасти подтверждает приведенный Ловеллом факт, что в конце 1960-х гг. радио предпочитали инженеры и интеллигенция; остальные обратили свои взоры к телевидению [18. Р. 208]. «Люди с более высоким уровнем развития менее подвержены эмоциональному воздействию, они ищут рациональные элементы в информации». Тем самым, утверждает автор, радио совершило полный круг: от радиолюбителей 1920-х через инструмент коллективного воздействия в 1930–50-е оно снова вернулось к интеллигентному слушателю [Ibid. Р. 208].

Выводы: власть и медиа – границы взаимодействия. Представленная Ловеллом убедительная картина развития радио в СССР позволяет понять, насколько авторитарное государство способно с помощью медиа консолидировать и контролировать социальное пространство.

Медиакоммуникации, в данном случае радио, действительно дают богатые возможности любой власти

для объединения общества с помощью нового информационного и пропагандистского потенциала. Политики, используя трансграничные возможности коммуникации, легко вербуют новых сторонников и формируют общественную поддержку, что и продемонстрировали большевики в 1917 году. Но наличие таких возможностей предполагает и то, что ими могут воспользоваться другие. Поэтому после победы революции новая технология стала создавать определенные неудобства советскому руководству. В течение нескольких советских десятилетий государству удавалось удерживать монополию на распространение радиосигнала за счет подавления радиолобительства и распространения проводного вещания. Радио в СССР обеспечило мобилизационно-пропагандистское завоевание территории с четким очерчиванием государственных границ.

Однако достигнутый контроль над советским пространством оказался недолговечным. Дальнейший прогресс в сфере радиовещания существенно ограничил пропагандистские возможности государства и заставил его играть «по чужим правилам», диктуемым логикой развития коммуникационной среды. В исторической перспективе это стало одним из весомых факторов краха советского проекта.

Что касается исследования Стивена Ловелла, то еще раз хочется заметить: его содержание далеко не исчерпывается логикой поведения авторитарной власти в развивающейся медиасреде. Следует признать интересной и заслуживающей всякого внимания авторскую концепцию советской «микрофонной эры» между телеграфной и телевизионной. Остается выразить надежду, что эта книга даст толчок к дальнейшему осмыслению истории медиа в России–СССР в XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Anduaga A. *Wireless and Empire: Geopolitics, Radio Industry, and Ionosphere in the British Empire, 1918–1939*. Oxford : Oxford Univ. Press, 2009.
2. Andrews M., *Domesticating the Airwaves: Broadcasting, Domesticity and Femininity*. London : Bloomsbury, 2012.
3. Arnold K., Classen C. (eds.). *Zwischen Pop und Propaganda: Radio in der DDR*. Berlin : Ch. Links Verlag, 2004.
4. Bergmeier H.J.P., Lotz R.E. *Hitler's Airwaves: The Inside Story of Nazi Radio Broadcasting and Propaganda Swing*. New Haven : Yale Univ. Press, 1997.
5. Fischer C.S. *America Calling: A Social History of the Telephone to 1940*. Berkeley and Los Angeles : Univ. of California Press, 1992.
6. Starr P. *The Creation of the Media: Political Origins of Modern Communications*. New York : Basic Books, 2004.
7. Советская власть и медиа / под ред. Х. Гюнтера и С. Хэнсен. СПб. : Академический проект, 2006.
8. Roth-Ey K.J. *Moscow Prime Time: How the Soviet Union Built the Media Empire that Lost the Cultural Cold War*. Ithaca, NY : Cornell Univ. Press, 2011.
9. Гуревич П.С., Ружников В.Н. *Советское радиовещание. Страницы истории*. М. : Искусство, 1976.
10. Мурашов Ю. Советский этос и радиофикация письма // *Новое литературное обозрение*. 2007. № 86. С. 47–63.
11. *Очерки истории советского радиовещания и телевидения*. М. : Мысль, 1972.
12. Таранова Е. *Левитан: Голос Сталина*. СПб. : Партнер, 2010.
13. Шерель А.А. *Аудиокультура XX века. История, эстетические закономерности, особенности влияния на аудиторию. Очерки*. М. : Прогресс-Традиция, 2004.
14. «Великая книга дня...»: Радио в СССР. Документы и материалы / под ред. Т.М. Горяевой. М. : РОССПЭН, 2007.
15. Горяева Т.М. Радио России: Политический контроль советского радиовещания в 1920–1930-х годах. Документированная история. М. : РОССПЭН, 2000.
16. Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М. : РОССПЭН, 2009.
17. Арефьев В. *Война в эфире. 1949–1964*. М. : Спутник+, 2009.
18. Lovell S. *Russia in the Microphone Age. A History of Soviet Radio, 1919–1970*. Oxford ; New York : Oxford Univ. Press, 2015.
19. Мурашов Ю. Электрифицированное слово: Радио в советской литературе и культуре 1920-30-х годов // *Советская власть и медиа*. СПб. : Академический проект, 2006. С. 17–38.
20. Hernandez R.L. *Sacred Sound and Sacred Substance: Church Bells and the Auditory Culture of Russian Villages during the Bolshevik Velikii Pereulom* // *American Historical Review*. 2004. № 7. P. 1475–1504.
21. Виддис Э. «Страна с новым кровообращением». Кино, электрификация и трансформация советского пространства // *Советская власть и медиа*. СПб. : Академический проект, 2006. С. 450–463.
22. Wiggzell F. *Folklore and Russian Literature* // Cornwell N. (Ed). *The Routledge Companion to Russian Literature*. London ; New York : Routledge, 2001.
23. Паперный В. *Культура Два*. М. : Новое литературное обозрение, 2006.
24. Сенявский А.С. *Российский город в 1960-е – 1980-е гг.* М. : Наука, 2003.

Gorbachev Oleg V., Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia). E-mail: og_06@mail.ru

RADIO AND DEVELOPMENT OF THE SOVIET SPACE. ABOUT STEPHEN LOVELL'S BOOK «RUSSIA IN THE MICROPHONE AGE. A HISTORY OF SOVIET RADIO, 1919–1970». OXFORD ; NEW YORK : OXFORD UNIVERSITY PRESS, 2015. XI + 237 p.

Keywords: Radio; media history; Soviet project; Soviet ideology; political control.

This article, which includes a literature review and some aspects of an essayistic style, discusses the role of radio in the life of the Soviet society between the 1920s and 1960s. The article focuses on Stephen Lovell's book that associates a significant part of Soviet history with the 'microphone age', that is, the time when radio dominated the media communication. It is emphasized that Lovell was the first to apply a comprehensive approach to the history of Soviet radio. Apart from the traditional aspects such as the history of institutions and technologies, the book covers social and cultural aspects in the history of radio, including the impact it had on the Soviet society.

Among the many topics discussed in Lovell's book, the author of this article has chosen to concentrate on the role radio played in promotion of the Bolshevik ideology and in the Bolshevik government's efforts to control media communication in the country. With this historiographic approach we are able to draw more general conclusions about the government-media relationship.

The most significant processes in this respect were the changing balance between the wired and wireless broadcasting, the evolution of amateur radio, individualization of radio consumption, and the increasing competition in this medium, which was inevitable.

Wired broadcasting was particularly characteristic of Soviet radio due to the country's vast territory and the comparatively low level of radio consumption among the population. This type of broadcasting was the most convenient for the authoritarian state since it allowed the government to monopolize information. Wired broadcasting made the boundaries of the Soviet space particularly clear and in fact denied the trans-border potential of the radio as a technology. Isolationism upheld by the state also led to marginalization of amateur radio in the Soviet society. However, it was impossible to provide full coverage of the territory, which necessitated the expansion of wireless technologies in the post-war period. Development of radio resulted in individualization of radio consumption, expansion of the information flow, growing popularity of overseas-based Russian-language radio stations, and the significant breach of the state monopoly on information.

It should be noted that theoretically radio contributed to the realization of certain Soviet ideologemes such as formation of the 'new man' and bridging the 'divide' between the city and the village. In practice, however, radio served the propagandist purposes of the Soviet project. As Soviet experience showed, the possibility of fulfilling these tasks depended not only on the quality of managerial decision-making but mostly on the logic of the development of the medium itself. The author consequently comes to the conclusion that the authoritarian government could use technical media for their political ends.

REFERENCES

1. Anduaga, A. (2009) *Wireless and Empire: Geopolitics, Radio Industry, and Ionosphere in the British Empire, 1918–1939*. Oxford: Oxford University Press.
2. Andrews, M. (2012) *Domesticating the Airwaves: Broadcasting, Domesticity and Femininity*. London: Bloomsbury.
3. Arnold, K. & Classen, C. (eds.) (2004) *Zwischen Pop und Propaganda: Radio in der DDR* [Between pop and propaganda: Radio in the GDR]. Berlin: Ch. Links Verlag.
4. Bergmeier, H.J.P. & Lotz, R.E. (1997) *Hitler's Airwaves: The Inside Story of Nazi Radio Broadcasting and Propaganda Swing*. New Haven: Yale University Press.
5. Fischer, C.S. (1992) *America Calling: A Social History of the Telephone to 1940*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
6. Starr, P. (2004) *The Creation of the Media: Political Origins of Modern Communications*. New York: Basic Books.
7. Guenther, H. & Haensgen, S. (eds) (2006) *Sovetskaya vlast' i media* [Soviet Power and Media]. Translated from German. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.
8. Roth-Ey, K.J. (2011) *Moscow Prime Time: How the Soviet Union Built the Media Empire that Lost the Cultural Cold War*. Ithaca, New York: Cornell University Press.
9. Gurevich, P.S. & Ruzhnikov, V.N. (1976) *Sovetskoe radioveshchanie. Stranitsy istorii* [Soviet broadcasting. Pages of history]. Moscow: Iskusstvo.
10. Murashov, Yu. (2007) *Sovetskii etos i radiofikatsiya pis'ma* [Soviet ethos and radiofication of writing]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 86. pp. 47–63.
11. Kazakov, G.A., Melnikov, A.I. & Vorobei, A.I. (1972) *Ocherki istorii sovetskogo radioveshchaniya i teledeniya* [Essays on the history of Soviet radio and television]. Moscow: Mysl'.
12. Taranova, E. (2010) *Levitan: Golos Stalina* [Levitan: Stalin's Voice]. St. Petersburg: Partner.
13. Sherel, A.A. (2004) *Audiokul'tura XX veka. Istoriya, esteticheskie zakonomernosti, osobennosti vliyaniya na auditoriyu* [Audio culture of the 20th century. History, aesthetic patterns, peculiarities of influence on the audience]. Moscow: Progress-Traditsiya.
14. Goryaeva, T.M. (2007) "Velikaya kniga dnya...": *Radio v SSSR. Dokumenty i materialy* ["The Great Book of the Day...": Radio in the USSR. Documents and materials]. Moscow: ROSSPEN.
15. Goryaeva, T.M. (2000) *Radio Rossii: Politicheskii kontrol' sovetskogo radioveshchaniya v 1920-1930-kh godakh. Dokumentirovannaya istoriya* [Radio Russia: The Political Control of Soviet Broadcasting in the 1920s and 1930s. Documented history]. Moscow: ROSSPEN.
16. Goryaeva, T.M. (2009) *Politicheskaya tsenzura v SSSR. 1917–1991 gg.* [Political censorship in the USSR. 1917–1991]. Moscow: ROSSPEN.
17. Arefev, V. (2009) *Voyna v efire. 1949–1964* [War on the air. 1949–1964]. Moscow: Sputnik+.
18. Lovell, S. (2015) *Russia in the Microphone Age. A History of Soviet Radio, 1919–1970*. Oxford; New York: Oxford University Press.
19. Murashov, Yu. (2006) *Elektrifitsirovannoe slovo: Radio v sovetskoy literature i kul'ture 1920-30-kh godov* [Electrified word: Radio in Soviet literature and culture of the 1920s – 1930s]. In: Guenther, H. & Haensgen, S. (eds) (2006) *Sovetskaya vlast' i media* [Soviet Power and Media]. Translated from German. St. Petersburg: Akademicheskii proekt. pp. 17–38.
20. Hernandez, R.L. (2004) Sacred Sound and Sacred Substance: Church Bells and the Auditory Culture of Russian Villages during the Bolshevik Velikii Perelom. *American Historical Review*. 7. pp. 1475–1504. DOI: 10.1086/ahr/109.5.1475
21. Widdis, E. (2006) "Strana s novym krovoobrashcheniem". Kino, elektrifikatsiya i transformatsiya sovetskogo prostranstva ["A country with a new blood circulation". Cinema, electrification and transformation of the Soviet space]. In: Guenther, H. & Haensgen, S. (eds) (2006) *Sovetskaya vlast' i media* [Soviet Power and Media]. Translated from German. St. Petersburg: Akademicheskii proekt. pp.450–463.
22. Wigzell, F. (2001) Folklore and Russian Literature. In: Cornwell, N. (ed) *The Routledge Companion to Russian Literature*. London; New York: Routledge.
23. Papernyy, V. (2006) *Kul'tura Dva* [Culture Two]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
24. Senyavskiy, A.S. (2003) *Rossiyskiy gorod v 1960-e – 1980-e gg.* [The Russian city in the 1960s – 1980s]. Moscow: Nauka.